

АНТРОПОЛОГИЯ РОДСТВА И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.Л. Белков

ПРИНЦИП ЛОКАЛЬНОСТИ АВСТРАЛИЙСКИХ СИСТЕМ РОДСТВА

Отличие классификаторских систем родства, в частности австралийских, состоит в том, что индивид ведет сквозной счет родства, охватывая *целое* сообщество. В данном случае функционирование (исполнение) классификаторской системы совпадает с созданием некоторого относительно целого, т.е. замкнутого, сообщества, стягиваемого к центру, в роли которого выступает эго (говорящий). Каждый, с кем данный индивид вступает в контакт, рассматривается в качестве носителя определенной степени родства, что предполагает наличие неких стандартов взаимного поведения. Таким образом, термины родства, будучи символами, выступают в роли моделей поведения и способа решения задач в содержательной сфере повседневной жизни (регулирование посредством предписаний / запретов брачных соглашений, обмен ценностями и средствами существования, порядок наследования).

Означает ли стремление распространить термины родства на общество в целом, что австралийцы увеличивают число терминов родства, описывая в деталях отношение каждого к каждому? Вероятно, так было бы, если бы аборигены Австралии использовали так называемые линейные системы родства, характерные для нашей культуры. По мнению Элькина, экономия терминологических средств происходит путем «растягивания» семьи до размеров «племени». Но дело в том, что семья (семейное родство) в нашем понимании слова возникает как раз на развалинах классификаторских систем родства. Скорее, наоборот, в процессе эволюции классификационная система сузилась до размеров семьи.

Обозримость классификаторских систем родства достигается за счет ограниченного множества индивидов, с которыми человек вступает в контакт в течение всей жизни. По наблюдениям исследователей, абориген Австралии встречал и знал лично примерно 500 человек. При этом отмечается, что эта цифра, полученная эмпирическим путем, соответствует «магическому» числу 500, по мнению некоторых австраловедов, составляющему средний размер австралийского «племени» [Роуз 1989: 57–58, 200–203].

Цифра 500 достаточно высокого порядка, поэтому проблема классификации отношений не снимается полностью. Необходимы дополнительные инструменты. В качестве таковых выступают два взаимоопределяющих фактора.

Во-первых, нетрудно заметить, что функции родства (социальные обязательства) имеют парный характер: отец-дети, дед-внук, брат-брат, дядя-племянник, причем число этих функций («мотивов») ограничено. Число терминов сокращается за счет так называемой взаимной терминологии родства

(принцип реципрокности), которая большинством исследователей рассматривается как базовая [Дзибель 2001: 193].

Во-вторых, речь идет не о классификации индивидов, а о классификации групп индивидов по именам родства: «отцы», «матери», «сыновья», «братья», «сыновья сестры» и т.п. Это делается введением принципа эквивалентности сиблингов. Возникает вопрос: как функционирует этот принцип? Ответ в том, что он отражает единство локальной принадлежности, пронизывая собой все ярусы родства (поколения). Этот принцип может применяться не только по горизонтали, но и по вертикали (лица различных поколений соединяются одним и тем же термином как по прямой, так и по боковой линии). Следовательно, классифицируются *локальные группы*. Это означает, что при условии замкнутости (эндогамности) классификаторских систем минимальной работающей структурой являются две взаимобрачные (экзогамные) локальные группы при условии существования обычая обмена сестрами. Элькин поясняет это следующим образом: «мой отец, его братья и сестры, а также дети его братьев все принадлежат к одной “стране”, одному локальному подразделению племени, тогда как моя мать и ее брат, а также его дети принадлежат к другой “стране”. Это различие отражается в использовании по отношению к ним особых терминов, а именно: «отец» и «сестра отца» для одной группы, «мать» и «брат матери» — для другой» [Elkin 1956: 55]. В другом месте, описывая систему родства унгариньин, Элькин специально отмечает, что нам может показаться странным обозначать одним и тем же термином говорящего, его отца, отца отца, сына и сына сына, но аборигены, выражаясь в этих терминах, указывают не на индивидов, а на локальные патрилинейные группы, которые находятся в определенном отношении к Эго. Речь идет о клане «брата матери» или «брата матери матери» и т.д. При заключении брачных соглашений учитывается не столько степень родства жены, сколько группа, к которой она принадлежит [Ibid: 60].

Элькин формулирует четыре принципа, на которых покоятся классификаторские системы родства: 1) экстраполяция терминов родства, обозначающих ближайших родственников, членов отдельной семьи; 2) эквивалентность сиблингов; 3) терминологическое противопоставление линий отца и матери, детей братьев и сестер; 4) отсутствие терминологического разграничения отношений родства и свойства [Ibid: 54-56].

В функционировании классификаторских систем родства есть противоречие, требующее объяснения. С одной стороны, аборигены отличают «собственных» (кровных) родственников от классификационных, а с другой — отношения свойства совпадают с родством определенной степени [Ibid: 54, 56]. Брак к дочерью брата своей матери или дочерью дочери брата своей матери матери и т.п. во многих случаях рассматривается как предпочтительный (правильный, престижный). Там, где браки с кросскузинами запрещены, потенциальными женами являются женщины, которые на основе принципа локальности классифицируются в качестве кросскузин. В этом плане система классификаторских терминов родства как знаковая система изоморфна обозначаемому явлению, т.е. локальному родству, основанному на принципе эквивалентности сиблингов.

Можно предположить, что запреты на браки с женщинами определенной категории носят конъюнктурный характер, связанный с недостатком брачных

партнеров необходимой категории. В тех системах, где термин, обозначающий супруга, не совпадает с конкретным термином родства *фонетически*, он соответствует ему *структурно*, по положению, занимаемому в этой системе в силу принципа замкнутости. Собственно, именно об этом говорил Элькин, описывая процесс классификации аборигенами отношений с окружающими. Этот счет может продолжаться как по боковой, так и по прямой линии до тех пор, пока им не будет охвачено целое сообщество, хотя на практике соображения возраста, локальной принадлежности, тотемической принадлежности или принадлежности к определенным социальным группировкам учитываются, особенно если генеалогические узы забыты [Ibid: 62]. Может быть, проще сказать, что генеалогические связи между людьми в этой системе вообще не учитываются?

Таким образом, из четырех принципов, указанных Элькиным, таковым является только один. Это принцип эквивалентности сиблингов. Принцип экстраполяции вступает в противоречие с принципом эквивалентности сиблингов и является результатом умозаключения, причем неверным. Что же касается терминологического разграничения (*бифуркации*) детей братьев и сестер и синонимичности (*слияния*) терминов свойства и родства, то эти факты являются не принципами, а следствиями принципа эквивалентности сиблингов, принципа локальности, принципа замкнутости пространства родства. Два последних можно рассматривать в качестве предпосылки принципа эквивалентности сиблингов. Надо сказать, что у Элькина третий пункт соответствует принципу локальности (см. выше: он указывает на то, что противопоставление потомков брата потомкам сестры связано с фактом их принадлежности к разным локалям).

Проблема использования моделей родства за пределами «круга знакомств» (своего пространства), о которой упоминает Элькин, говоря об использовании классификационных систем в рамках большого племени или их наложении на представителей чужих племен [Ibid: 54], возникает только тогда, когда мы признаем достоверность принципа экстраполяции «семейных» терминов родства на большие группы людей (использование семьи в качестве модели племени). В реальности введение чужака в общую схему родства происходит на основе достаточно простых операций. Элькин описывает случай, которому он сам был свидетелем. Если никто из присутствующих не прослеживает никаких родственных связей с пришельцем, в расчет принимается его относительный возраст, тотемическая аффилиация, принадлежность к определенной локальной группе или социальному подразделению. Последнее подразумевает довольно сложный «перевод» с языка чужой системы родства со всеми составляющими на местную. Если же все эти попытки оканчиваются неудачей, чужак рассматривается как брат представившего его индивида (видимо, проводник Элькина и его поручитель были примерно одного возраста), что является точкой отсчета при установлении взаимных обязательств по отношению к членам данного локального сообщества [Ibid: 57–58]. Таким образом, практика родства основана на принципе локальности и, как следствие, принципе эквивалентности сиблингов.

Библиография

Дзибель Г.В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. СПб., 2001.
Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989.

Elkin A.P. Australian Aborigines. How to understand them. Sydney, 1956.

А.А. Бурькин, В.А. Попов

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУССКОЙ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ СВОЙСТВА

Настоящая работа является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем «Радловском сборнике» [Попов, Бурькин 2008], и одновременно дополнением к материалам большой статьи о русской системе терминов родства и свойства в «Алгебре родства» [Бурькин 2009] и имеет целью внести некоторые уточнения в описание семантики ряда русских терминов свойства (ТС), а также обозначить проблематику дальнейших этносоциологических и этнолингвогеографических исследований представленного материала по системе терминов свойства (СТС) русских¹.

1. Зять. В словаре В.И. Даля статья о слове «зять» выглядит так: «ЗЯТЬ м. дочернин муж; | сестрин муж; | золовкин муж. Родители жены мужу (зятю) тесть и теща; брат жены, мужу ее (своему зятю) шурин, а сестра жены своячина; посему один и тот же человек приходится зятем: тестю, теще, шурину и своячине». В словаре С.И. Ожегова написано: «Муж дочери или сестры». Словарь Д.Н. Ушакова и МАС дают три значения ТС «зять»: 1. Муж дочери. 2. Муж сестры. 3. Муж золовки. Понятно, что оба толковых словаря современного русского языка переписывают словарь В.И. Даля. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона для слова «зять» указывает следующие значения: «‘муж дочери или сестры’, в древнерусском языке ‘всякий, породнившийся посредством брака, также жених’».

Как показывает изучение текстового материала, для современного русского языка *зять* — это скорее ‘муж дочери’, нежели ‘муж старшей или младшей сестры’, хотя по текстам сохраняется и второе значение. Новые значения этого ТС — ‘муж двоюродной сестры’, ‘муж внучки’, отмечаемые в текстах, еще не зафиксированы словарями современного языка, но они определенно не являются диалектными — это вполне прогнозируемые новации литературного языка.

Доказательная база на значение ТР *зять* ‘муж золовки, муж сестры мужа’ в литературных источниках отсутствует. Для диалектного корпуса источников в отношении данного значения ТС *зять* мы не располагаем ничем, кроме указания в словаре Даля.

¹ В настоящей работе использованы электронные версии следующих словарей: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка; *Ефремова Т.Ф.* Словарь русского языка. М., 2000; *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1992; Словарь русского языка. Т. 1–4 (МАС); *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. Т. 1–4; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 1–86.